

На Тайшане насчитывается шесть тысяч триста тридцать одна ступень. Вдоль тропы тянется горный лес, и чем выше, тем круче становится подъем.

В народе говорят, что бабушка Тайшань исполняет любые просьбы, стоит лишь попросить. Сбываются ли они — вопрос спорный, но вот что верно, так это омолаживающий эффект восхождения: сколько бы лет тебе ни было, будь ты хоть дедушкой, хоть бабушкой, к тому моменту, как доберешься от Красных ворот до участка Восемнадцати поворотов, гарантированно умолаешься, как последний внук.

Настроив фокус, светловолосый иностранец с голубыми глазами приготовился запечатлеть древние каменные ступени, извивающейся змеей уходящие в облака. Объектив переместился с соседнего старого дерева в центр, картинка из размытой стала четкой, и в кадре внезапно возникло юное лицо.

Линия подбородка была плавной и изящной, кожа — упругой и свежей, без намека на излишки коллагена. Очертания профиля были такими четкими, словно их вывели по линейке остро заточенным пером. У нее не было вздернутого носика, столь любимого многими китайскими девушками, напротив — прямая, гордая переносица, прочерченная одним уверенным движением от самого лба до кончика.

Лицо, созданное специально для объектива.

Иностранец замер, забыв о своих намерениях, и едва не нажал на спуск, не в силах оторвать взгляд.

— Hey man!

Сидевший на ступенях молодой человек в модной одежде прервал его, произнеся на безупречном лондонском диалекте:

— Пожалуйста, не беспокойте мою подругу. Ей не нравится, когда ее фотографируют.

Иностранец сконфуженно улыбнулся, почесал затылок и двинулся дальше, то и дело оглядываясь на девушку, которая только что была в его видоискателе.

Ся Гуан допила воду и слегка подтолкнула носком ботинка человека перед собой:

— Пошли дальше.

Сун Шую, проголодавшаяся до крайности, едва поднявшись, тут же убежала на Небесную улицу искать еду. Ся Гуан шла одна, то останавливаясь, то продолжая путь, пока, наконец, не замерла у входа в храм Бися.

Ся Гуан осмотрелась: нет, людей слишком много, если столкнуть — свидетели найдутся.

— Эх, кто же заставил мою девушку внезапно захотеть увидеть самый красивый рассвет в восточном полушарии? — Сун Шую посмотрела вдаль, ее взгляд был затуманен. — Любовь всегда делает нас слепыми.

— Ничего страшного, я схожу и возьму еще три палочки.

Голос прозвучал мягко и нежно, заставив сердце невольно оттаять.

Ся Гуан слишком торопилась, когда наклонилась за благовониями, и не разглядела лица, но боковым зрением успела заметить одежду девушки — длинное темно-зеленое платье из тенсея, из-под которого выглядывали ослепительно белые лодыжки.

Сун Шую, пошатываясь, поднялась, отряхнула пыль с брюк и этой же рукой похлопала Ся Гуан по плечу:

— Не делай такое кислое лицо! Как же здорово выйти и подышать свежим воздухом. Посмотри, на солнце ты даже начинаешь походить на нормального человека.

Сун Шую изобразила предсмертную агонию, откинулась назад и взвыла:

— Бабуля, мы же отдохнули всего пять минут!

— Это... разве может домашнее солнце сравниться с диким?

Даже Танский монах, идя за сутрами на Запад, делал привалы.

Ся Гуан сжала в руке бутылку минералки, уперла вторую руку в бок. Ее выражение лица было точь-в-точь как у хозяина собаки, которая на середине прогулки легла на землю и отказывается идти:

— Кто сегодня утром был тем зверем, что вытащил меня из постели, чтобы лететь в Тайань и лезть на Тайшань? Кто скакал, как хаски с поводка, и кого было не удержать?

В этот момент окружающие — и мужчины, и женщины, и стар, и млад — слышали рядом душераздирающий вопль.

В силу профессии она обожала наблюдать за незнакомыми вещами; увиденное складывалось в ее голове в маленькие фрагменты, которые она потом с легкостью использовала в работе.

Изобразив почтение перед статуей, она обернулась, и в этот момент что-то пошло не так: она задела человека, стоявшего за ней, и тот выронил благовония. Ся Гуан дважды извинилась, наклонившись, чтобы их подобрать, но палочки, едва коснувшись земли, сломались на три части и рассыпались у белых кроссовок владельца. Поднимать их уже не имело смысла.

Небо начало темнеть, на горизонте застыл крошечный оранжевый отсвет, похожий на тусклый фонарик.

— Мы же в одном восточном полушарии, неужели на пике Фэйлай солнце не видно?

После участка Восемнадцати поворотов самый сложный отрезок пути на Тайшань был позади. Еще немного усилий — и вот они, Южные небесные ворота. Многие останавливались здесь, и причина была проста: в четырехстах метрах к востоку от них находился храм Бися, где почитали Бися Юаньцзюнь — саму бабушку Тайшань.

Однако, благодаря той невыносимой особе, она только сейчас узнала, что легендарная бабушка вовсе не старуха, а молодая и прекрасная бессмертная.

У входа в храм сидел старик, перед ним стоял стол с рассыпными благовониями.

Сун Шую, эта взбалмошная девица, умудрилась выбрать для поездки самый пик сезона. Во время подъема люди буквально наступали друг другу на пятки, а наверху царил давка. Жара, раздражение — двойное испытание для тела и психики.

Ся Гуан встала в очередь и, как и остальные, взяла три палочки.

Она хотела искренне извиниться, но, подняв голову, словно онемела. Протянув руку, она произнесла:

— Может... возьми мои?

Сразу после этих слов ей захотелось дать себе пощечину. Предложить человеку использованные благовония — разве это поступок нормального человека?

— Хорошо, — улыбнулась девушка и приняла подношение.

Ся Гуан, охваченная странным порывом, пулей вылетела из храма.

В ночных сумерках храм Бися с его красными стенами и бирюзовой черепицей был окутан дымом благовоний. Она оглянулась: внутри яблоку негде было упасть, и, переступив порог, поспешила прочь.

Так называемая Небесная улица была, по сути, торговой зоной на вершине горы. Там было все для еды и отдыха, а длина ее составляла около ста метров. Ся Гуан обошла ее всю, но Сун Шую не нашла, а та упорно не брала трубку. Ся Гуан скрежетала зубами от злости.

Она описала внешность подруги тетушке, продававшей блины с луком, но та лишь хлопала глазами. Наконец, откуда-то со стороны донесся наглый оклик:

— Эй! Красавица с тедди-кудряшками! Твой вкус стал настолько специфическим?

Волосы у Ся Гуан были в отца — природные кудри.

Тетушка-продавщица выглядела так, будто увидела привидение:

— Ой, мамочки! Я-то думала, ты девчонку ищешь, а это же красавец-парень! И надо же, какой симпатичный, вот только одет вычурно!

Ся Гуан криво усмехнулась, подошла к Сун Шую и крепко ухватила ее за тонкую шею:

— Совсем страх потеряла? Трубки не берешь, я уже думала, тебя местные обезьяны утащили.

— Обезьяны на горе Эмэй, а не на Тайшане, — не унималась Сун Шую, даже находясь под угрозой расправы.

Похоже, здесь отдыхали студенты после выпуска: у шашлычной стоял невообразимый шум, пиво текло рекой, и лысый хозяин сиял от счастья.

Сун Шую бесстыдно присоседилась к компании, выпросила пару бутылок пива и, размахивая ими, принялась читать молодежи нотации:

— Будьте всегда молоды! Всегда полны слез радости!

Ся Гуан едва не стошнило.

На дешевом железном подносе лежало полкило говяжьих шашлычков и столько же бараньих. Хозяину пришлось по душе дерзкий короткостриженный паренек, и он в подарок добавил десять порций рыбного тофу. К этому Ся Гуан заказала еще овощей, и на крошечном столике места совсем не осталось.

Понятно, что вкус еды был так себе, но обе они выросли в китайской кулинарной пустыне, а после того как Сун Шую уехала учиться в еще большую международную пустыню, вид шашлыка стал им роднее, чем вид собственного отца.

К тому же, они были измотаны после целого дня пути.

— Знаешь, ты какая-то странная в этот раз, — проговорила Сун Шую, захмелев от первой бутылки. — Расскажешь?

Ся Гуан с детства была неразговорчива, но с тех пор, как начала писать романы, время от времени делилась с Сун Шую мыслями о сюжетах и персонажах. Наверное, потребность писателя выговориться так же неудержима, как дождь или ветер, и плевать на плохое настроение.

Но в этот раз, когда Сун Шую вернулась, Ся Гуан не проронила ни слова.

А как же ее сюжеты и герои?

Ся Гуан подняла голову к небу, представляя, что темная ночь — это плащ великана, а люди под ним — блохи, которых он может раздавить одним движением руки.

Опустила взгляд. Вокруг шумели люди.

— Ничего особенного, просто в последнее время нет вдохновения, — она сделала глоток воды и посмотрела на подругу. — А вот ты стала намного жизнерадостнее.

Она помнила, как шесть лет назад в аэропорту Сяошань у этой дурехи глаза были красными, словно она практиковала темную магию. От нее буквально веяло злобой. Тогда она проводила ее на рейс, сидела в зале ожидания и, услышав гул взлетающего самолета, вдруг почувствовала: Сун Шую больше никогда не вернется.

Время летит, годы идут.

— Я больше не хочу мучить себя, — Сун Шую чокнулась бутылками, и на ее щеках проступили ямочки. — Человек должен научиться мириться с прошлым.

— И то верно, — Ся Гуан откусила суховатый кусочек говядины. — Все-таки мы уже в годах.

Сун Шую возмущенно вскочила, ее короткие волосы встали дыбом:

— Эй-эй, убери это «уже»! Это ты у нас в годах, а не я! Двадцать семь — прекрасный возраст, как у тебя язык повернулся назвать это старостью? Что тогда делать тем, кому тридцать семь?

Ся Гуан, успешно уколовшая подругу, лишь улыбнулась и продолжила невозмутимо жевать мясо.

В середине ужина Сун Шую, пошатываясь, отправилась в туалет. Ся Гуан крикнула вслед:

— Осторожнее там, если кто прицепится — сразу звони, прибегу спасать!

Вот же, нашла время шутить!

— За собой следи! — огрызнулась Сун Шую.

Когда Сун Шую ушла, Ся Гуан почувствовала, что вокруг стало удивительно тихо, несмотря на шум.

Посидев немного в прострации, она проверила телефон — 19:45 по пекинскому времени, вечер только начинался.

Она открыла документ, но пальцы замерли над пустым листом, и в итоге она просто закрыла его.

Только она убрала телефон, как услышала ломаный китайский:

— Привэт, меня звать Джейсон, можэм мы дружить?

Она подняла голову: это был тот самый иностранец, что пытался снимать ее днем.

Чуть поодаль, у лавки с орехами, Сун Шую, закончив дела, с ехидной улыбкой наблюдала за происходящим.

Ся Гуан выдохнула и с самым растерянным видом ответила ему на корейском.

Иностранец опешил.

Он не понимал корейского... она не понимала китайского...

Он не сдавался, попробовал заговорить по-английски, но она снова сделала вид, что ничего не понимает.

Когда бородач ушел, разочарованный и сбитый с толку, Сун Шую вальяжной походкой подошла к столу и села:

— Забавно. Только вышла из туалета, а тут такая картина: старая лиса притворяется невинным ягненком.

— Так проще всего — устроить культурный барьер, — небрежно бросила Ся Гуан.

Сун Шую медленно вытащила электронную сигарету, затянулась, и сладкий аромат сливок растворился в воздухе.

— А если серьезно, тебе пора завести роман, — Сун Шую, чье лицо казалось еще более детским в облаке дыма, вдруг приняла глубокомысленный вид. — Сколько тебе лет?

— Кто это только что кричал: «Двадцать семь — прекрасный возраст»?

— Это совсем другое!

Сун Шую уже собиралась вывалить кучу своих нелепых аргументов, но вдруг осеклась, заметив, что Ся Гуан пристально смотрит на улицу.

В толпе шла девушка в темно-зеленом платье на бретелях. На ней не было накидки, и ее плечи и руки сияли белизной. Густые черные волосы были небрежно собраны на затылке и заколоты шпилькой.

Ся Гуан коснулась пальцами губ — верный признак того, что ей хочется курить. Внезапно она указала пальцем на этот темно-зеленый силуэт, прищурилась и негромко произнесла:

— Похожа на большое растение, правда?

<http://bllate.org/book/22326/2338457>